

«Семья Саша Галича подготовила сборник его памяти. По просьбе его брата — Валерия Аркадьевича — кинооператора, я написал воспоминания о фронтовом театре и Сашинем участии в нем. Сборник появится в конце года, а пока с разрешения составителей предлагаю к публикации в «КО» этот отрывок».

КОГДА

КОГДА сейчас по телевидению — или в качестве клипа, или как музыкально-поэтическое подтверждение какой-то публицистической передачи — звучит песня «Когда я вернусь...» в авторском исполнении Александра Аркадьевича Галича, я думаю о том, что при рождении этой шемящей душу песни никто, в том числе и ее автор, не придавал ей пророческого значения. Ну, кто тогда мог предполагать, что песни Галича — трижды запрещенного, отовсюду изгнанного, гонимого, могут вернуться к нам — да не по «самиздату», не подпольно написанных — переписанных пленках, а легально — по государственному телевидению и радио! Это и радостно, и больно, потому что не оставляет мысль — а ведь вместе с песнями мог бы сегодня вернуться на Родину и их автор... Мог бы, если бы не тот трагический день в Париже!

Когда я слушаю его песни, смотрю на телевизионное изображение поэта, я неизменно возвращаюсь памятью почти на полвека назад — в нефтяной Грозный, в ту суровую осень 42-го года, когда я впервые познакомился с Сашей Гинзбургом... Александром Галичем он стал значительно позже. Итак, осень 42-го года, немцы стремительно продвигаются к грозненской нефти, уже эвакуируются «ненужные» войне местные учреждения, уже собираются в дальнюю дорогу — в Сибирь, в Канск оба грозненских театра — драмы и юного зрителя.

«Все для фронта, все для победы!» — этим жил город, республика и, конечно, наша газета «Грозненский рабочий», где я заведовал отделом литературы и искусства, одновременно являясь корреспондентом газеты «Советское искусство» по Северному Кавказу.

В Грозном уже появился штаб Северной группы войск Закавказского фронта, прибыла фронтовая газета «Вперед, за Родину!» с Ираклием Андрониковым, Вадимом Собко и Любомиром Дмитриевым в составе редакции, уже прилетели соборы центральных газет Петр Павленко и Борис Горбатов...

Передовые статьи в нашей газете стали выходить с такими заголовками: «Все силы — на защиту родного города!», «Каждый горожанин — воин!», «Враг не заправит свои моторы грозненским бензином!», «К оружию, горцы!».

Как-то днем, после очередной фашистской бомбежки, в редакцию пришли два молодых тогда (сегодня их обоих уже нет в живых) грозненских режиссера Константин Борщевский и Владимир Вайнштейн.

— Мы за помощью, — сказали они. — Не может город в такое время оставаться без искусства. Не уезжайте в эвакуацию по разным семейным причинам человек восемь актеров, есть певец из филармонии, есть парнишка-танцор (теперь его знает весь мир — это Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, народный депутат СССР, лауреат многих международных конкурсов Махмуд Эсамбаев), наконец, есть мы — режиссеры. В армию нас пока не призывают, а ехать в эвакуацию мы не хотим. Мы решили создать Театр народной героики и революционной сатиры!

— Ну, так за чем дело стало, создавайте! — сказал я.

— А дело за репертуаром! Что играть в такое время в этом театре.

— А я-то при чем?

— Вот ты и должен написать нам программу!

— Да вы что? Я пишу об эстраде, но никогда не писал для эстрады! (Мог ли я думать, что на долгие годы драматургия эс-

Матвей ГРИН

ла его обедом и приводила в порядок его нехитрый гардероб, он рассказал нам свою историю... Поэт, бард (правда, тогда такого слова еще не было в нашем лексиконе), артист студии Арбузова, в армию не взяли «по

БЫЛА

ВОЙНА...

рады станет моей любовью и моей профессией?».

СЕГОДНЯ в это трудно поверить, но через десять дней программа, состоящая из одноактных пьесок, миниатюр,

Воспоминания о фронтовом театре и его барде Саше ГАЛИЧЕ

Универсальное обозрение. 1990. Число (№ 12) с. 6

песен, конференса, была готова, и в городе появились афиши: «Театр народной героики и революционной сатиры». ПРЕМЬЕРА! «Три полководца» — одноактная пьеса, «Огонь на себя» — одноактная пьеса, «Цари в обозе» — комедия с погоней и выстрелами, песни, танцы, концерт. Начало — ровно в 6 вечера! Окончание — к комендантскому часу! Билеты продаются!».

Можно бы подробно рассказать, что и как играли в этом «театрике», можно бы вспомнить, как у нас появился молодой актер (точнее, он тогда лишь хотел стать артистом) и, быстро заняв «первое положение», стал играть все роли героев, а через несколько лет его узнал весь Союз и весь мир как выдающегося артиста и режиссера, Героя Социалистического Труда, народного артиста СССР Сергея Федоровича Бондарчука, можно бы рассказать, как принимали наши программы фронтовики и труженики тыла...

Можно бы, но я не буду этого делать, памятуя, что моя задача иная — рассказать об одном человеке и о его участии в этом театре.

Да, именно в эти тревожные дни приближающегося к городу фронта, как-то идя по главной улице города — проспекту Революции, я обратил внимание на молодого человека, видимо, без всякой цели бродившего по городу. Обратил я на него внимание потому, что очень уж «нездешний» вид у него был: пиджак в клетку, берет, узконосые ботинки, яркая рубашка да еще гитара за плечами... Он шел медленным шагом, внимательно рассматривая прохожих — видно, барашковые папахи мужчин и низко повязанные косынки женщин ему были в диковинку...

«У моста патруль стоит — обязательно заберут проверить документы. Примут за шпиона», — подумал я и подошел к незнакомцу.

— Что вы ищете, молодой человек? — спросил я.

— Редакцию или какое-нибудь учреждение искусства, — ответил он.

— Ну, считайте, что нашли и то и другое! Я работаю в редакции и заведую литературной частью театра миниатюр.

— А говорят, Бога нет! Есть! Конечно, есть! — засмеялся незнакомец.

Мы направились в редакцию, и по дороге, а позже вечером — у нас дома, когда жена корми-

сердечной недостаточности», очень хочет быть полезен поэзии, искусству в эти трудные дни.

Мы проговорили почти всю ночь. Он знал много и многих, я в те годы в Москве бывал лишь наездами, и все, что он рассказывал, меня очень волновало. В ту первую ночь нашего знакомства он много пел, читал стихи...

— Нет, Саша, это сам Бог вас послал, вы так нужны будете нашему театру!

— А как все это мне нужно, — сказал он. — Я при деле, при любимом деле! Честное слово, вы никогда не пожалеете о своей рекомендации!

Дни, когда я мог бы «пожалеть» об этом, когда мне могли в самом негативном плане напомнить об этом знакомстве, наступили значительно позже, но к тому времени я уже успел отсидеть свой второй срок в сталинских «университетах» и все понимал не по постановлениям и указаниям, а по сердцу, по жизни!

Утром я привел Сашу в театр. Он удивительно быстро сошелся со всей труппой, как-то сразу стал «своим» в этом маленьком коллективе единомышленников.

У него не было столичного нигилизма, а мог быть, особенно при сравнении знаменитой арбузовской студии с нашим маленьким театриком. Не было у него и натушного желания быстренько стать «душой» общества — с помощью столичных сплетен о знаменитостях и неизвестных в провинции анекдотов...

— Братцы! Что надо делать? — просто спросил Саша. И стал делать все, что нужно было театру, зрителям, фронту, наконец! Нашли место в программе, и он пел под свою гитару. Песни были не просто фронтовые, но, так сказать, с местным колоритом. С фронта уже шли сообщения о чеченце капитане Мазаеве, о снайпере Ханпаше Нурадилове — их героических подвигах... И Саша писал и пел песни о них.

Был у нас в театре свой композитор — Саша Халепский, он придавал мелодиям кавказский колорит, но музыку сочинял сам Галич. Песни его имели оглушительный успех... Конечно, он стал и одним из главных наших актеров. По внешнему облику, по своей элегантности он очень подходил к ролям иностранцев. В обозрении «Москва — Лондон — Нью-Йорк» рассказыва-

лось о боевой дружбе летчиков антифашистской коалиции, их подвигах... Материал мы брали из сообщений «Совинформбюро», ну и, конечно, «сдабривали» его духом хемингуэвских героев. Саша с блеском играл какого-то американского летчика, пел песенки на английском. Ох! Сколько мы натерпелись от облиты и политуправления с этими песенками! О чем они? Что там говорится о «дяде Джо» (так называли в США Сталина)? Нет ли в них чего порочащего? Позже, когда мы написали пьеску о Праге и ее бойцах Сопровителения «Злата Прага», Саша, весьма убедительно сыграл чеш-

ского партизана и пел какие-то чешские и словацкие песенки...

ОБЫЧНО мы играли в здании Лермонтова, но выезжали и на «периферию» — в окрестные станции, рабочие поселки, где зрителями были и солдаты расквартированных там частей, и местные жители...

Помню, поехали мы на гастроли в Гудермес. Играли дня три в местном Доме культуры. Местное начальство хотело нас разместить по домам жителей городка (гостиницы там не было), но мы решили ночевать здесь же, где выступали. Отыграли спектакль, как всегда, с большим успехом — ведь мы были единственными представителями искусства в этом прифронтовом регионе. Правда, изредка выступал со своими «устными рассказами» Иракий Андроников и как-то приехала из Баку, где ее муж снимал военный фильм, Любовь Петровна Орлова. Она давала концерты по городам и станциям республики и даже выступила с нашим театром...

Закончив спектакль, поужинав, чем Бог послал, мы разбрелись по пустынным комнатам Дома культуры. Саша со своей гитарой устроился в гримборной, я подсел к нему, и мы разговорились...

Нет, не о войне, не о Победе, в которой никто не сомневался, а о том, как мы будем жить после Победы. Мечты наши в общем не выходили за рамки простых, естественных человеческих желаний: жить более свободно, писать то, что чувствуешь и как понимаешь, меньше зависеть от многочисленного начальства...

«Уж очень много надсмотрщиков», — сказал Саша. И еще сказал он: «Так хочется поехать в Париж, пройти по улицам, описанным Дюма, Бальзаком, Гюго, посидеть в каком-нибудь кафе, как это описано у Эренбурга...». Ох, как мы были наивны! Из всех мечтаний сбылось только одно Сашиню — попал он в Париж! Но попал так, что его знакомство с Парижем едва ли располагало к элитическому ощущению города! Он попал туда не по своей воле и вряд ли до конца дней своих мог забыть, что предшествовало его появлению во Франции.

СТЕХ ГРОЗНЕНСКИХ прифронтовых будней прошло много лет. И каких лет! В 1954 году я приехал в Москву.

жинов, О. Лацис, В. Распутин и другие.

Культурный раздел программы включает большую книжную ярмарку, литературные встречи, вечер старинного русского романса. В поэтической «Гостинице» встретят читателей А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Б. Окуджава, Р. Гамзатов. Зрителей ждут экспозиция дружеских шаржей «Ретро-улыбка», показательные выступления спортсменов, различные конкурсы и викторины.

И. ХАРЛАМОВ.

Приехал из Ивдельлага, где по обвинению в «космополитизме» (и как «повторник» — я ведь уже сидел на Печоре после убийства Кирова, когда мы — космопольские журналисты, попали в первую волну нашей отечественной «охоты за ведьмами») отсидел пять лет, пока не умер «великий вождь всех времен и народов». Я приехал в Москву, но до XX съезда осталось еще два года, и потому свобода была, но работы не было. Проявлялся редкими очерками в «Вечерке», «Гудке», на радио и, как шутили потом друзья-писатели, «от несчастья» пришел в эстрадную драматургию...

Поселившись в Малаховке, в каком-то сараичке, который хозяйка упорно считала «дачей» и брала соответственную плату, я каждый день ездил в столицу к своему тогдашнему соавтору Леониду Куксо — работать над произведениями для эстрады.

Как-то я спросил у Куксо: не знает ли он поэта и драматурга Александра Гинзбурга? Он сказал, что знает, — теперь его псевдоним Галич. Идет его пьеса «Вас вызывает Таймыр», но его сценариям поставлены фильмы — в общем, это очень популярный писатель и поэт.

Это сообщение окончательно отбило у меня охоту встречаться с Сашей. Ну, явлюсь я к нему в своей лагерной одежде (цивильного платья у меня еще не было — не заработал), а он может принять за докучливого просителя «на бедность»... Тем более, что жена рассказывала мне, как-то она — в Колонном зале, когда я «сидел», встретила на шахматном турнире Сашу вместе с режиссером Донским, но Саша ее не узнал...

Нет уж, Бог с ним — мало мне бед и унижений, не буду я встречаться!

Но человек предполагает, а Бог располагает! Как-то я спешил по Большой Бронной к своему соавтору, и вдруг кто-то крикнул:

— Матвей Яковлевич! Господи! Вы живы?

Я оглянулся: передо мной стоял Саша, шикарный, в какой-то шубе, боярской шапке. Он кинулся ко мне, прижал к себе и заплакал...

— Вы «оттуда»? Ну, что я спрашиваю — конечно, оттуда, а Клава где? Куда вы идете? Нет, нет, пошли к нам!

Он потащил меня куда-то рядом — в дом своих родителей.

Собралась вся семья, я весь день и вечер рассказывал им свою эпопею. Он пошел меня провожать и все время спрашивал:

— Мотя! Чем помочь?

У метро мы расстались, дав друг другу слово встретиться. Я, добравшись до Казанского вокзала, сел там в свою малаховскую электричку, зачем-то полез в карман куртки и обнаружил там конверт, а в нем триста рублей! При моей тогдашней неустойчивости это были огромные деньги. Но дело даже не в этом — у меня много было знакомых в Москве, они знали о моих трудностях, но никто и не подумал помочь: не словами, не сожалением, не сочувствием, а просто деньгами! А вот Саша — подумал и сделал это! Да еще так деликатно, чтобы не поставить меня в неловкое положение. Он не ждал благодарности — он просто помог, чем мог! Это дорогого стоит!

В своей книге «Публицист на эстраде», которая выходила в 1981 году в издательстве «Искусство», я рассказал о грозненском фронтовом «театрике» и написал о Саше Галиче. Но, конечно, у меня все это вычеркнули. Из книги даже убрали такую невинную фразу: «Мы сидим в ресторане Дома литераторов — я, поэт Ярослав Смеляков, писатель Николай Асанов — люди общей трагической судьбы». Об этом тогда еще рано было говорить!

Я счастлив, что дожил до такого времени, когда можно вспомнить все, что было, и все, как было.

Вот я и вспомнил об Александре Аркадьевиче Галиче, о нашем коротком, но запомнившемся знакомстве в годы, когда была война, и немного позже...

ЛЕРМОНТОВ
ФЕСТИВАЛЬ
ПРАВДЫ

5-6 мая 1990 г. на ВДНХ СССР впервые состоится фестиваль газеты «Правда». Его программа включает два крупных раздела: политический и культурно-развлекательный.

В эти два дня в рамках по-

литической программы пройдут встречи с героями и авторами газетных публикаций, дискуссии по важнейшим проблемам политики, экономики и культуры. В павильонах ВДНХ будут работать центры 14 отделов «Правды».

В павильоне «Физика», где разместится отдел прессы и публицистики, запланирована дискуссия «Публицистика и судьбы страны». В обсуждении приглашены принять участие известные писатели и публицисты Г. Бакланов, В. Белов, Ф. Бурлацкий, В. Ко-